

Денис И. Петренко (Ставрополь)

Виталические идеи метапоэтики К. И. Чуковского

✦ Ключне речи:
*лингвистический витализм,
витальность языка, живая
система, метапоэтика.*

У раду се разматрају виталистичке идеје К. И. Чуковског које се односе на схватање језика као делатног, живог и животног феномена у битисању деце и одраслих, у уметничком стваралаштву, преводилаштву и научним истраживањима.

Витализм (от лат. *vitalis* – жизненный) – философское, а также естественно-научное учение о «жизненной силе» как особом принципе или начале, управляющем явлениями, протекающими в живых организмах. Витализм объясняет специфику жизненных явлений присутствием в живых телах особых нематериальных, непознаваемых сил, регулирующих процессы развития в них, формирующих организм как гармонизированное целое.

Среди наиболее известных ученых-виталистов следует назвать У. Гарвея (учение о развитии организмов под воздействием «жизненного принципа»), Парацельса (идея о существовании в организмах «духа жизни»), Г. Штгала (идея о «душе» как управляющей всем живым), И. Ф. Блуменбаха (учение о

«формообразующей силе» в организмах), Г. Дриша (учение о непознаваемом «факторе» – «энтелехии», обуславливающей целостность организма), И. Рейнке (идея о существовании в организме «доминант», определяющих направление его развития), Л. фон Берталанфи (идея «эквивалентности» – непознаваемого, нематериального «жизненного фактора», определяющего развитие организмов), Э. Синнотту (живая природа организуется и управляется особым творческим началом) и др.

Теория витализма в связи с новыми открытиями ученых в области синергетики, в процессе постструктуральной рефлексии помогает объяснить многое из того, что связано с вопросами языка и его «жизни», его истории в обществе.

 2010

Если привести данные, существующие о витализме языка, в систему, перед нами откроются новые перспективы в исследовании и самого языка, и художественных текстов.

В рассмотрении витализма мы опираемся на три аспекта его понимания: 1) понятие узкопрактических витальных (жизненных) потребностей человека; 2) понятие духовного («энтелехия», воля, энергия) в проявлениях жизненного начала человека и природы; 3) понятие «творческого порыва» (А. Бергсон) в жизнедеятельности человека и природы. В этом смысле язык удовлетворяет всем аспектам рассмотрения жизни человека и природы.

Наиболее значимой концепцией для формирования принципов лингвистического витализма является концепция В. фон Гумбольдта. Некоторые ее положения коррелируют с виталистическими идеями: 1) жизнь природы и человека – проявление единой «духовной силы»; 2) подлинное творящее начало в истории человечества – «вторжение духовной силы»; 3) язык – главное проявление духовной силы человека; 4) язык – работа духа, направленная на определенную цель; 5) источник языка – в душе народа; 6) творчество народов по созданию языка предшествует интеллектуальному творчеству индивидов; 7) язык не мертвый продукт, а созидающий процесс, деятельность духа [Гумбольдт 1984: 50, 51, 52, 53, 56, 66, 67, 70]. «Жизненная сила» в теории В. фон Гумбольдта связана с внутренней силой языка, его импульсами, с понятием жизненного начала, жизненного принципа языка. Духовная жизнь народа и язык – нераздельные понятия, а жизнь каждого языка во многом основывается на внутреннем отношении народа к искусству воплощения мысли в звуки.

Один из последователей В. фон Гумбольдта в отечественном языкознании – А.А. Потебня. Он придерживается положений В. фон Гумбольдта о творческой роли языка. В работе «Мысль и язык» (1862) А.А. Потебня утверждает, что искусство и наука обретают жизнь в языке, обусловлены языком. Он считает, что язык влияет на мышление человека и знание имеет формы, зависимые от форм языка. Язык – не средство выражения готовой мысли, а средство создания ее, основной способ мышления и познания, творческая деятельность, организующая мысль. «Слово, – пишет А.А. Потебня, – не есть... внешняя прибавка к готовой уже в человеческой душе идее необходимости. Оно есть вытекающее из глубины человеческой природы средство создать эту идею» [Потебня 1976: 164].

А. Белый в статье «Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни)» (1910) [Белый 1910 (а): 240–258], подчеркивает, что в противоположность теориям, отталкивающимся от языка как готового произведения, А.А. Потебня выдвигает взгляд на язык как на живую, непрерывающуюся деятельность. Статику языка, по мысли А. Белого, предопределяет динамика, язык есть столь же деятельность, сколь и произведение. В дальнейшем взгляды А.А. Потебни были развиты теоретиками символизма, а также русскими философами, в частности П.А. Флоренским, они касаются противопоставления «живого» и «мертвого» в языке, «живого» и «мертвого» слова. Это противопоставление связано и с понятием внутренней формы слова, утратой мотивации, «наглядного» значения слова.

Особую ветвь виталистической тенденции в языкознании и поэтике составляет теория символизма. Символисты были прямыми последовате-

лями гумбольдтианско-потемнинской теории языка. А. Белый, В. И. Иванов, В. Я. Брюсов, А. А. Блок и др., будучи художниками, развивают идеи, связанные с творческим характером языка. Символисты отстаивают идею «живого» языка и «живой» речи, «живого» слова в противовес слову «мертвому». Виталистическая проблема жизни языка и умирания тех или иных его элементов в процессе развития становится в теории символизма главной.

Так, А. Белый видит назначение человечества в живом творчестве жизни, которое осуществляется посредством языка. Главная задача речи – творить новые образы, вливать их величие в души людей, чтобы этим величием покрыть мир. По Белому, «оживление» слова, появление образного содержания указывает на «новый органический период культуры». Применяя термин «органический» – «характеризующийся жизненными процессами; живой» (МАС), А. Белый подчеркивает, что и язык, и культура – это живые, развивающиеся процессы. Творческое слово, утверждает А. Белый, созидает мир. Поэт воспринимает душой вселенские силы гармонии, воплощаемые в слове, которое также становится действенным, деятельным [см.: Белый 1910 (6)].

Особую роль в понимании языка и его жизни играет статья В. И. Иванова «Наш язык» (1918) [Иванов 1971–1987: 673–680]. В. И. Иванов, отталкиваясь от идей В. фон Гумбольдта, определяет язык как «дело» и «действенную силу», «соборную среду», всеми творимую и обуславливающую всякое творческое действие.

П. А. Флоренский, который находился в творческом диалоге с символистами, формулирует идеи развития, жизненного начала языка. Язык, по мнению П. А. Фло-

ренского, антиномичен, ему присущи два взаимоисключающие уклана, два противоположные стремления: творческое, индивидуальное, своеобразное в языке находится на одном полюсе, монументальное, общее, принятое исторической традицией – на другом; это пара, пребывающая в сопряжении. Вне этого противоречия не существует языка. Нужно не ослаблять один из полюсов антиномии, а напротив, усиливать их оба. Язык, по Флоренскому, – живое равновесие *ergon* и *energeia*, «вещи» и «жизни» [Флоренский 1990: 163]. Философ вводит понятие *turgor vitalis* («жизненная крепость»). «Живое» слово, по П. А. Флоренскому, – высшее проявление жизнедеятельности целого человека, синтез всех его деятельностей и реакций, в котором соединяется энергия Божественного духа, историческая воля народа и индивидуальная воля производящей слово личности. Идеи витализма развивали ученики А. А. Потемни: Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. Г. Горнфельд, А. В. Ветухов и др.

В исследованиях по проблемам синергетики языка, дискурса язык рассматривается как речевой поток в его постоянном движении, вбирающий все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, менталитета и культуры – национальной и индивидуальной.

Тенденции отечественного лингвистического витализма нашли наиболее полное выражение в метапоэтике К. И. Чуковского, которую можно рассматривать как развитое научное представление лингвистического витализма и творческое понимание и претворение его в теоретических и художественных произведениях. Именно на этих основаниях мы относим исследования К. И. Чуковского

к метапоэтическим [Штайн, Петренко 2006].

Лингвистический витализм – это исследование «жизненной силы», жизненных потенций языка. *Витальность языка* – жизненность самого языка, свойства языка, имеющие отношение к явлениям жизни. Витальность противопоставлена летальности, т.е. жизнь – смерти.

342

Лингвистический витализм симфонической языковой личности К.И. Чуковского выражается: 1) в дискурсивной организации писательской и исследовательской деятельности, которая выражается в широком живом полилоге с читателями, учеными, писателями СССР и зарубежья, нашедшем выражение в разножанровых произведениях, непосредственных разговорах, переписке, статьях, опубликованных в печати, с живыми откликами на них; метапоэтику К.И. Чуковского поэтому можно назвать «живой»; 2) в отношении к языку как деятельностному, живому, жизненному явлению в бытии детей и взрослых, в художественном творчестве, в переводческой деятельности, в научных исследованиях.

К текстам К.И. Чуковского, к деятельностному характеру их написания применимо понятие «живой системы», которое разрабатывалось в одной эпистемологической реальности с К.И. Чуковским в 1960–1970-е годы латиноамериканскими исследователями У. Матураной, Ф. Варелой, Р. Урибе [см: Матурана 1996: 95–143]. В текстах К.И. Чуковского мы видим уникальный случай открытого представления процесса познания. Он как человек, художник и исследователь предстает перед нами в процессе языкотворческой деятельности как саморегулируемой автономной системы, жизнь которой приобретает особое измерение в процессе самосознания. Уникальный

процесс взаимодействий в рамках лингвистики наблюдателя, исследователя К.И. Чуковского мы находим в его работах о языке, видим, как он живет в изменяющейся системе отсчета в мире в процессе познания. Успешные взаимодействия с писателями, учеными, читателями служат поддержанию живой организации в процессе познания, представляют собой единственное «предельное основание» для оценки им правильности гипотез в области описания языка.

В основе произведений К.И. Чуковского о языке – многомерная дискурсивная деятельность, в которой раскрывается внутренняя многослойная и многомерная структура текста. Слои дискурсивной данности его текстов мы определяем на основе критериев: научный подход к изучению языка, писательская деятельность, многомерный многоплановый творческий диалог в социуме (от ученых и писателей до простых читателей, даже школьников). Его подход к исследованию языка выражается: 1) в опоре на лингвистическое знание, предшествующее и современное К.И. Чуковскому как исследователю, его работы имеют обширный научный аппарат (исследования, с которыми парадигмально связан данный текст); 2) так как язык выкристаллизовывается в ходе обработки его писателями, изучение языка связано с живой практикой художников слова; 3) норма литературного языка – социально одобряемое правило, поэтому для К.И. Чуковского важно исследовать особенности функционирования языка в среде его носителей.

Работа по изучению языка К.И. Чуковским связана одновременно с деятельностью его как писателя и исследователя. Это способствует формированию особого дискурса – метапоэтического.

Наиболее значимое исследование К. И. Чуковского о русском языке – книга «Живой как жизнь» (1962). Текст работы является небольшим по протяженности (в разных редакциях – менее 200 страниц). При этом К. И. Чуковский опирается на большой научный аппарат. Сплошная выборка имен ученых-лингвистов, работы которых цитирует и с которыми полемизирует К. И. Чуковский, позволяет назвать 62 имени. Писателей и ученых других специальностей, а также деятелей наук называется 125, простых граждан СССР – более 100 человек (К. И. Чуковский обозначает количество полученных им к этому времени писем – более 800).

К. И. Чуковский опирается на языковой материал, связанный с живой языковой средой – он придает большое значение непосредственным наблюдениям за функционированием, «жизнью» языка в обществе: внимательно слушает, фиксирует в дневнике высказывания разных людей, произнесенные в живом разговоре. К. И. Чуковский выступает и как исследователь живой речи, и как носитель языка, ощущает себя в гуще языковой среды, постоянно проверяет себя, осознает себя причастным к народной среде, в которой идет непрерывный процесс формирования языка. В метапоэтике К. И. Чуковского важна опора на «неявное знание» (М. Полани), выкристаллизовывающееся в живых разговорах, письмах людей, которые пытаются по-своему, на уровне повседневных, обыденных представлений осмыслить процессы функционирования, изменения русского языка. К. И. Чуковский умело использовал те возможности, которые были связаны с идеологическими установками на общение писателей с широкими народными массами: так, он состоял в переписке с тысячами корреспондентов, среди них

люди разных возрастов, профессий, студенты, школьники и даже дети дошкольного возраста.

На первых порах К. И. Чуковский действовал только как писатель, наблюдая за явлениями языка, связанными как с обыденной речью, так и с литературным творчеством. А далее он начинает интересоваться творчеством ученых-лингвистов для подкрепления своего мнения, дальнейшего изучения языка и речи. Метапоэтика К. И. Чуковского приобретает все более и более аргументированный научный характер. Впоследствии К. И. Чуковский состоял в переписке с лингвистами: А. А. Реформатским, В. В. Виноградовым, Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, Э. И. Ханпирой, Л. П. Крысиным и др. Творческий диалог с лингвистами позволил К. И. Чуковскому поставить и решить множество проблем, связанных с «живым» и «мертвым» началами в русском языке.

Противопоставление «живого» и «мертвого» – основа работ К. И. Чуковского о языке. Между крайними состояниями К. И. Чуковский выделяет промежуточные стадии: «болезни», «недуги», «немощи». «Мы должны биться за то, чтобы наш язык, «живой как жизнь», не сделался «мертвым как смерть», – пишет К. И. Чуковский [Чуковский 1990: 611]. Название работы – «Живой как жизнь» – цитата из метапоэтики другого писателя – Н. В. Гоголя, которая использована К. И. Чуковским в качестве эпиграфа. Известно, что метапоэтика Н. В. Гоголя представляет огромное богатство, связанное с изучением языка в живых дискурсивных формах его проявления.

В контексте работы К. И. Чуковского «живой» вряд ли может осознаваться как метафора. Язык для К. И. Чуковского – живой организм, в определенной сте-

пени подобный организму человека. Исходная позиция по отношению к языку у К. И. Чуковского – виталистическая: язык – «здоровый и сильный организм», находящийся в движении, в «динамике непрерывного роста» [там же: 489]. Динамику языка К. И. Чуковский видит в рождении, отмирании слов, во взаимодействии подсистем языка. Внутренняя самоорганизация, движение элементов непрерывны, постоянны, этим обусловлена жизнь языка: «Нет ни на миг остановки, и не может быть остановки. Здесь все движется, все течет, все меняется» [там же: 490].

«Организмический» подход к языку сближает идеи К. И. Чуковского с понятием «живой системы», «живой организации» в теории У. Матураны. Жизнеспособность языка, его здоровье, жизненную силу К. И. Чуковский объясняет тем, что язык – относительно замкнутая система со своими собственными свойствами, которая «самовластно подчиняет своим собственным законам и требованиям» [там же: 485] любой пришедший извне элемент.

К. И. Чуковский понимает язык как деятельностную систему с собственными интенциями. Это гармонизированное единство, в котором каждая часть подчиняется целому. К. И. Чуковский использует виталистическую антропоморфную метафору, подчеркивая автономность, самостоятельность системы, ее деятельностный характер, использует глаголы: язык «взял», «поступил», «добыл», «может распоряжаться (словами. – Д. П.) по-своему», выражение «слова совершенно подвластны ему» [там же: 485–486] и др.

Язык рассматривается К. И. Чуковским как «живая» система с присущим ей единством взаимодействий, с определенной областью взаимодействий. К. И.

Чуковский настаивает на инвариантных позициях языка, целостности системы, которая постоянно возобновляет и сохраняет «в неприкосновенности золотой фонд и своего словаря, и своих грамматических норм, выработанных в былые века»: «Сильный, выразительный и гибкий язык, ставший драгоценнейшим достоянием народа, он мудро устойчив и строг» [там же: 496–497]. Язык антиномичен: он «гибок» и «мудро устойчив и строг». «Устойчивость» языка к воздействию внешних факторов, по К. И. Чуковскому, имеет предел, за которым язык как система уже не может самостоятельно компенсировать «возмущения», вызванные различными внеязыковыми причинами. Язык начинает «болеть» и в конце концов умирает. В этом случае, считает К. И. Чуковский, необходимо деятельное участие самих носителей языка в «компенсации» системных нарушений.

В основе языка, по К. И. Чуковскому, – некая жизненная сила – «дух своего языка», «языковая стихия», язык имеет собственную «природу», поэтому надо выработать «чувство стиля, чутье языка», «слух к языку» [там же: 529, 530, 537, 540, 596]. Эти понятия связаны, с одной стороны, с гумбольдтианско-потемнинским пониманием языка как деятельностной системы, имеющей собственную силу, обладающей особым «духом». С другой стороны, они коррелируют с виталистическими концепциями о том, что жизнью организмов управляет энтелехия, которая обеспечивает их целесообразное устройство. В основе языка, по мнению К. И. Чуковского лежит жизненная энергия, жизненный порыв, особенность существования и функционирования языка – жизненная доминанта в нем.

Не раз К. И. Чуковский говорит о внутренней силе, «мощи» языка, раскрывает

процессы действия силы, самобытность, богатство языка: «В этом и сказывается подлинная *мощь языка*. Ибо не тот язык по-настоящему *силен*, самобытен, богат, который боязливо шарахается от каждого чужеродного слова, а тот, который, взяв это чужеродное слово, *творчески преобразует* его, самовластно подчиняя своей собственной воле, своим собственным эстетическим вкусам и требованиям, благодаря чему слово приобретает новую экспрессивную форму, какой не имело в родном языке» [там же: 514].

К. И. Чуковский развивает «организмическую» концепцию языка. С одной стороны, язык обладает «могучими силами», с другой стороны, русская речь как организм «нуждается в лечении». К. И. Чуковский называет состояние языка «хворью», разделяет «подлинные» болезни языка и «воображаемые немощи», «недуги». Не вылеченные вовремя «болезни» языка приводят к его смерти, появлению «мертвых», «стандартных» слов. Такие слова К. И. Чуковский определяет как «дистиллированные», «скудные», «бездарные», «слова-фигиции, слова-пузыри», «слова-паразиты», «слова-пустышки», «густопаровый сумбур», «словесную гангрену», «казенную брехню» [там же: 538, 548, 563, 582, 597, 602].

В языке, по мнению К. И. Чуковского, соединение «мертвых» слов всегда насильственно, противоречит «духу» языка, его внутренним эстетическим требованиям, поэтому связи между ними – «дикие, противоестественные». Людей, говорящих «мертвым» языком, К. И. Чуковский называет «монстрами», «калеками», «уродами» с «убогой психикой», носящими «отпечаток... темной среды» [там же: 592, 612, 614]. Эти термины ведут к понимаю некрофильского начала (Э. Фромм) в языковой деятельности.

Нередко по отношению к речи К. И. Чуковский применяет антропоморфные метафоры, значение которых связано с лишением речи, языка жизни: «мы обедним, обескровим» речь, «обесцвеченная, обескровленная речь» [там же: 550, 559]. К. И. Чуковский говорит о «правильном, дистиллированном, бесцветном, неживом языке, каким пишут бездарные люди» в противовес «вечно обновляющейся поэтической речи» художника [там же: 555–556].

Э. Фромм, перечисляя характерные черты некрофила – человека, который живет в «душевнобольном обществе», называет «использование языка не для общения, а для манипулирования» [Фромм 2006: 459–460]. К. И. Чуковский выражает сходные мысли, прибегая к понятию языковой относительности. По его мнению, не только живое слово имеет силу, есть и «мертвая сила шаблона», которая «порабощает ослабевших людей», уже не способных выразить «искренние, свежие, непритворные чувства», так как в их распоряжении только «стертые, стандартные фразы». В результате появляются «рабы канцелярской эстетики», речь которых имеет только одну цель – «прикрывать наплевательское отношение к судьбам людей и вещей», полное «равнодушие» к жизни. Для К. И. Чуковского пользование шаблонами в речи – «патология». Он характеризует «аморальный» характер «мертвой» «бюрократической речи», отмечает «главную злобедность шаблона» – «он превращает в пустышку каждую, даже самую эмоциональную, самую пылкую фразу» [Чуковский 1990: 585, 586, 591, 594].

Одна из главных черт «некрофилии», по Э. Фромму, – чрезмерное внимание живого человека ко всему механическому. Противопоставление «механи-

ческий – живой» находим и в книге К. И. Чуковского. Писатель раскрывает природу омертвения, противопоставляя механическую систему шаблонной речи – «живой» речи. Механически, «равнодушно» повторяемые элементы речи «умирают», превращаются в «стертые шаблоны», «омертвевшие эпитеты». В конце концов «мертвое» слово «убивает всякий интерес к своему предмету» [там же: 601]. По мнению К. И. Чуковского, «мертвая» речь – «канцелярит» – только симптом тяжелой болезни общества – «душевной безграмотности». Эта болезнь преобразует людей, они становятся живыми мертвецами: «Не люди, а мебель – гарнитур кресел, стульев... <...> ...у всех одинаковый казенный метод мышления» [Лукьянова 2007: 951].

Возможность бороться за «здоровое общество» К. И. Чуковский видит в бескорыстной, мужественной работе интеллигенции по просвещению народа, приобщению его к подлинной культуре, «служению народу» [Чуковский 1990: 515].

В основу теории языка К. И. Чуковского, которую можно вслед за ним представить сейчас как «живую систему», автор положил критерии высших ценностей. Артикуляция ценностей позволила К. И. Чуковскому обосновать, что язык как жизнь – объект психологического, эпистемологического и аксиологического исследования, рефлексии, объяснения и

критической дискуссии. Человечество не может продлить собственное бытие, если оно перестает воспринимать жизнь как высшую ценность, отмечает П. С. Гуревич в статье «Философско-антропологическое истолкование жизни» [Гуревич 2000: 68–83]. А язык – это одна из форм жизни. Эта форма жизни также нуждается в сохранности, в осмыслении ее ценностного характера, изучении. В данном случае К. И. Чуковский обратился к предельной аксиологической категории – жизни языка как высшей ценности общества. Знать это – значит вести себя адекватным образом, сохраняя идентичность языка как «живой системы», сохраняя идентичность нации, культуры.

Виталистическая концепция способствует рассмотрению языка как деятельностного начала, с одной стороны отображающего жизнь человека и общества, с другой стороны, имеющего собственные жизненные потенции, реализующиеся в процессах организации и самоорганизации его как нелинейной открытой системы. Жизненное начало языка в метапоэтике К. И. Чуковского противопоставлено идее летального в языке и речи. Внимание к механистичности, ведущей к смерти языка, речи, наблюдение за этим процессом дало возможность выявить и определить симптомы смертельных болезней языка и установить рецепты от писателя, способствующие жизни языка в жизни общества.

summary

Σ Vitalistic ideas of K. I. Chukovsky's metapoetics

Vitalism is the philosophical, natural-science doctrine about «vital force» as a special principle or a source that control phenomena in live organisms. K. I. Chukovsky's linguistic vitalism is a wider concept, than concept of vitalism in natural-science knowledge. It is expressed in symphonic active character of the language personality of K. I. Chukovsky himself which is realized through a wide dialog with society, and also in his understanding language as an active, live, vital phenomenon filled with internal energy, spirit of creation.

347

The linguistic vitalism is K. I. Chukovsky's research of *vital force*, vital potentialities of language. Vital properties of language are its vitality, its features that correspond with *live system* characteristics. Vitality of language is opposed to lethal tendencies in it.

For K. I. Chukovsky language is a live organism, it is similar to a human organism, has its own "biography". The initial position of K. I. Chukovsky's understanding of language is vitalistic: language is a healthy and strong organism which is being in movement, in «dynamics of continuous growth». Dynamics of language K. I. Chukovsky sees in a birth, dying out of words, in interaction of language subsystems. Internal self-organizing of language, movement of its elements are continuous, constant, it causes a language life.

K. I. Chukovsky understands language as an active live system with its own intentions. This system is a complete unity in which each part submits to the whole. At the heart of language, in Chukovsky's view, is vital force – "the spirit of the language", "language element", language has its own "nature", therefore native speakers should develop "sense of style", "a language scent", "hearing to language". These concepts are connected, on the one hand, with Gumboldt-Potebnja's understanding of language as an active system having its own force, possessing special "spirit". On the other hand, they correlate with vitalistic concepts that life of organisms is under control of special force ("entelecheia") which provides their rational structure.

K. I. Chukovsky develops the organismic conception of language. Language possesses "mighty forces", but as the organism, "requires treatment". K. I. Chukovsky names a condition of modern Russian language "illness", divides "original" illnesses of language and "imagined infirmities". "Illnesses" of language not cured in time lead to its "death", occurrence of "dead", "standard" words, "wild, unnatural" links between them, contradicting the "spirit" of language, its internal aesthetic requirements.

"Dead" speech is a symptom of a serious social illness – "ignorance of souls". Possibility to struggle for "a healthy society" K. I. Chukovsky sees in unselfish, courageous work of intelligentsia on people education, giving knowledge of original culture to people, "service to them".

The criteria of supreme values is put in the basis of K. I. Chukovsky's theory of language. Language for him is one of forms of life. This form of life requires safety, realizing that it has very valuable character. To know it means to behave in an adequate way, to keep identity of language as "live system", to keep identity of the nation and native culture.

Библиографический список:

348

- Белый 1910а: **Белый, Андрей**. Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни). – In: Логос. – Кн. 2. – Москва.
- Белый 1910б: **Белый, Андрей**. Символизм. – Москва: Мусагет.
- Гумбольдт 1984: **Гумбольдт, Вильгельм фон**. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. – In: Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс. – С. 37–300.
- Гуревич 2000: **Гуревич, Павел**. Философско-антропологическое истолкование жизни. – In: Жизнь как ценность. – Москва: ИФРАН. – С. 68–83.
- Иванов 1971–1987: **Иванов, Вячеслав**. Наш язык. – In: Иванов, Вячеслав. Собрание сочинений: В 4 т. – Брюссель: Жизнь с Богом. – Т. 4. – С. 675–680.
- Лукьянова 2007: **Лукьянова, Ирина**. Корней Чуковский. – Москва: Молодая гвардия. – 992 с.
- Матурина 1996: **Матурана, Умберто**. Биология познания. – In: Язык и интеллект. – Москва. – С. 95–143.
- Потебня 1976: **Потебня, Александр**. Мысль и язык. – In: Потебня, Александр. Эстетика и поэтика. – Москва: Искусство. – С. 35–220.
- Словарь русского языка: В 4 т. – Москва: АН СССР, Институт русского языка, 1981–1984 (МАС).
- Флоренский 1990: **Флоренский, Павел**. У водоразделов мысли. – In: Флоренский, Павел. Сочинения: В 2 т. – Москва: Правда. – Т. 2.
- Фромм 2007: **Фромм, Эрих**. Анатомия человеческой деструктивности. – Москва: АСТ. – 621 с.
- Чуковский 1990: **Чуковский, Корней**. Живой как жизнь. – In: Чуковский, Корней. Сочинения: В 2 т. – Москва: Правда. – Т. 1. – С. 467–651.
- Штайн, Петренко 2006: **Штайн, Клара, Петренко, Денис**. Русская метапоэтика. Учебный словарь. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета. – 604 с.